

Ведущий. Уважаемые друзья, коллеги, начинаем. Второй диспутант у нас только на подходе, к сожалению. Но, чтобы сэкономить и наше, и ваше время, давайте будем потихоньку начинать.

Это 105-е заседание нашего Диспут-клуба. Тема у нас сегодня интересная, злободневная и, пожалуй, интригующая даже в какой-то степени.

Участники диспута. С одной стороны, это Александр Владимирович Данильцев, он руководит Институтом торговой политики «Вышки». И второй участник – Александр Юрьевич Апокин, который представляет Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, руководит там группой исследований мировой экономики. Он сейчас, я очень рассчитываю, должен появиться.

Я для начала напомним вкратце наш регламент, чтобы и вам, и Александру Владимировичу освежить его в памяти. Мы предоставляем по 20 минут каждому из выступающих. После выступления оппонент имеет право на два вопроса по только что прозвучавшему тексту. После того как стороны меняются местами, мы собираем в зале вопросы, диспутанты по очереди на эти вопросы отвечают. И мы переходим к выступлениям из зала. Общий наш хронометраж в течение всех этих практически уже десяти лет остается неизменным – два часа. Ровно через два часа мы наше с вами заседание закончим, надеюсь, обогащенные новым знанием и пониманием этого сложного вопроса.

Я передаю слово Александру Владимировичу. Он начнет. Ваши 20 минут, Александр Владимирович.

Данильцев. Большое спасибо. Уважаемые коллеги, добрый вечер.

Я хочу, во-первых, поблагодарить организаторов и всех участников за возможность выступить. Действительно, я здесь не первый раз, хотя и не так часто бывал. 20 минут – достаточно большой хронометраж. Я позволю себе затронуть все четыре вопроса, которые здесь есть, потому что они представляются достаточно важными и интересными.

По поводу первого вопроса. Каковы основные результаты евразийской интеграции на данный момент?

Если говорить долго, что, наверное, здесь не очень нужно, можно привести цифры с объемом рынка, динамикой взаимной торговли и т. д. Но если говорить достаточно коротко и емко, то мне представляется, что в данном случае практически за шесть лет активной интеграционной, именно в формате продвинутой интеграции работы был создан интеграционный блок, который по своей глубине и продвинутости является, как мне представляется, вторым в мире. Первый – это Евросоюз. Второй – это экономический союз на просторах ЕАЭС.

Если говорить только по торговой части, которая на данный момент уже является не примитивной, что ли, многие эксперты сходятся на том, что это второй таможенный союз в мире, а столь же развитого третьего пока нет. Опять же, по сравнению с первым, это, естественно, Европейский союз.

В этой ситуации мы продвинулись по всем основным элементам классической интеграции. И фактически по масштабам продвинутости – это второй интеграционный блок в мире. Естественно, мы не столь велики по количественным показателям, но с качественной точки зрения это достаточно большой успех.

Естественно, что здесь были и заметные перекосы, и эта скорость действительно потрясающая. Если мы посмотрим на график формирования сегодняшнего Европейского союза, то тут даже сравнивать невозможно. Но и задел тут был больше, поскольку это достаточно уникальное явление, это определенная реинтеграция.

Произошли и заметные разломы, как мы видим. Некоторые страны, которые мы могли бы видеть в рамках интеграционного процесса вполне естественно, в частности Украина, отломались весьма активно и болезненно. Пожалуй, это наиболее явный негативный результат. Я, наверное, здесь должен был бы уступить место коллеге, который

больше специализируется на политических вопросах, поскольку здесь политики в значительной мере больше, чем экономисты.

Следующий вопрос. Зачем ЕАЭС нужен странам-участникам и другим субъектам мировой экономики?

Что касается других субъектов – достаточно спорный вопрос. Хотя, естественно, в определенной мере иметь крупного партнера часто бывает удобнее, чем множество мелких. В принципе, здесь, наверное, тоже проявляется такой эффект, который и для Евросоюза характерен.

Что касается участников, то здесь ответ очевиден: это классические преимущества интеграционных процессов. Тем более что мы говорили, что исторические связи достаточно сильны. Тут ответ мне представляется очевидным.

Можно, естественно, говорить о различных политических аспектах, но я бы предпочел здесь уступить эту возможность своим коллегам, которые в этом больше разбираются.

Классические преимущества интеграционных процессов. Я не хотел бы углубляться в теорию. Здесь много направлений: и определенные возможности повышения эффективности экономики, и эффекты масштаба, и расширение выбора потребителей и т. д. То есть мы можем посмотреть уже классические теоретические мотивы. Всё здесь, как представляется, вполне нормально работает.

Правда, здесь, пожалуй, наиболее негативным моментом является значительная сырьевая ориентация и экспортно-ориентированный характер таких экономик, как, скажем, России и Казахстана, которые, естественно, размыкают эти интеграционные связи в значительной мере и уменьшают позитивный эффект. Здесь, пожалуй, это следует прежде всего отметить.

Почему у ЕАЭС нет (внешней) стратегии?

Я не буду, опять же, говорить что-то из политической области. Но я бы так прямо не сказал, что совсем нет уж никакой стратегии. Я просто хотел бы напомнить, мы знаем, что велись известные переговоры с Вьетнамом, сейчас будут вестись переговоры с целым рядом других стран. Собственно говоря, переговоры-то идут не с отдельными странами Евразийского союза, а с блоком как таковым. Все страны-участницы активно участвуют в этом процессе, позиция здесь согласовывается, преимущества, выгоды и т. д. Вот один из выраженных примеров внешнеэкономической стратегии. Это формирование различных механизмов свободной торговли, зон свободной торговли, естественно, не таможенных союзов, как иногда пишут, с третьими странами. Это понятная, естественная и нормальная стратегия, которая вполне типична. То же самое мы можем видеть и у Евросоюза. Это одно из направлений.

Естественно, сразу не будет такой явно активной стратегии. Я думаю, что здесь вопрос даже не во внутренних проблемах, а в том, что это еще достаточно молодое образование, которое реально еще ее не очень хорошо сформулировало свои предпочтения.

Более того, какая сейчас может быть стратегия, честно говоря, не очень понимаю - на фоне современной ситуации на сырьевых рынках. Понятно, что о стратегиях говорят много, но что удастся реализовать в такие короткие временные сроки – не очень понятно. Опять же, наследие этой структуры связывает по рукам и ногам, с точки зрения и стратегии, и чего угодно.

Что касается внешней стратегии, не надо носить совсем розовые очки и говорить, что тут все благозвучно. Потому что у каждой из стран есть, естественно, свои интересы и свои подходы. Хотя бы даже возьмите проблему членства в ВТО, достаточно близкую мне. Если мы посмотрим на политику присоединения, обязательства и т. д., очень разные противоречия возникают. Они даже зафиксированы в знаменитых изъятиях Казахстана, скажем.

Поэтому понятно, что проблемы есть, понятно, что они будут. И не факт, что они будут легко преодолены. Но это совершенно естественно. Потому что, извините, это определенный перенос на международный уровень (или наднациональный, как хотите можно сказать) проблем, которые существуют в любой крупной экономике. Точно такие же проблемы существуют внутри России между секторами. Абсолютно то же самое, потому что большинство товаров потребляются и производятся, и те же интересы с торгово-политической точки зрения абсолютно разные. И бывают достаточно жесткие дискуссии по тому, что там надо ограничивать ввоз или, наоборот, стимулировать. Здесь есть и проблемы, мне кажется, и ошибки бывают.

Это просто перенос на другой качественный уровень, но те же самые проблемы. Естественно, это вполне нормальный процесс. Здесь надо просто работать.

Сможет ли ЕАЭС существовать только как зона свободной торговли и инвестиций?

Я бы хотел здесь немножко поправить. Все-таки ЕАЭС – это уже не зона свободной торговли, а это уже все-таки таможенный союз реально. Как мы сказали, второй в мире таможенный союз. Хотя масса интеграционных блоков называют себя таможенными союзами, но таковыми не являются реально. А вот ЕАЭС – это один из немногих таможенных союзов. Поэтому это не зона свободной торговли.

Опять же, почему только инвестиции? А рынок рабочей силы? Здесь, в принципе, все эти классические свободы потихоньку реализуются.

Поэтому я думаю, что ответ здесь «нет». Я так понимаю, что здесь будет и политическая интеграция, подтекст этого вопроса. Но я бы опять предпочел о политике не говорить, потому что все-таки это не моя область. Совершенно очевидно, что пока эта работа не очень продвинута. Но когда-то, я думаю, это выйдет как минимум на более хорошую координацию макроэкономической политики.

А что касается дальнейших шагов, я бы предпочел здесь не фантазировать по поводу валютного союза и т. д., что у нас дальше по программе классической интеграции.

И я хотел бы обратиться к работам некоторых коллег, которые выдвинули несколько иной подход – о такой разнообразной, мозаичной интеграции. То есть это не улица такая или ковровая дорожка, где по этапам, как это было расписано в свое время в классическом варианте. А это некая мозаика, которая может в одних случаях быть более продвинутой, по одним направлениям иметь жесткие формы наднационального прямого регулирования, по другим – более мягкие, то есть вообще какую-то самостоятельность и т. д. В третьих случаях это может быть просто координация политики, гармонизация регулирования и т. д.

Тем более что если мы посмотрим на практику современных РТС (региональных торговых соглашений), то мы увидим, что там масса самых разных вопросов. Есть в классической классификации, основанной на практике ВТО, так называемая зона «Х-ВТО». Там рассматриваются вопросы типа борьбы с терроризмом, координации статистических служб, пенсионного обеспечения, охраны окружающей среды и прочее. Поэтому вполне возможно, и я так думаю, развитие пойдет не таким прямо парадным строем, а по разным направлениям может растечься совершенно разными ручейками.

Тем более что было до этого СНГ? Это была действительно зона свободной торговли, соглашение, которое все знали, всё понятно. Отмена всяких ограничений в торговле товарами. Но дальше это было огромное число соглашений, которые все не просто ни один человек не мог назвать, а даже число никто не мог назвать. Это была масса различных договоренностей, которые касались самых разных аспектов взаимодействия, начиная от почты и заканчивая нумерацией вагонов, которые позволяли определенным образом крутиться механизмам взаимодействия, которые оставались еще со времен СССР и вообще предусматривают близкое взаимодействие со странами.

Страны вдруг разошлись, стали заграницей, а нужно как-то продолжать вместе работать. Внутреннего регулирования нет, вот это все заместилось. Это все было создано в 90-е годы, буквально с 1992 по 1994–1995 годы (я могу тут ошибиться). И на самом деле

это был всплеск интеграции, интеграционной активности, который, может быть, никто не видел, но который реально создал возможность вообще жить вместе как-то, рядом.

Вполне может быть, что это направление тоже будет как-то развиваться. По разным аспектам это будет постепенно расширяться, расширяться и расширяться.

И я хотел бы здесь еще на один аспект обратить внимание: что есть интеграция сверху и есть интеграция снизу, которая у нас страдает как раз.

Интеграция снизу – это взаимодействие на уровне бизнеса, на уровне компаний. То есть это взаимопроникновение капитала, создание, как это называлось раньше, системы международного производства в рамках этого блока. Сейчас бы это назвали цепочкой добавленной стоимости и прочее.

Это, конечно, проблема. И это, мне кажется, отстает от интеграции сверху. Под влиянием политического движения у нас очень хорошо идет эта верхняя часть. А нижняя, конечно, несколько отстает. Это большая проблема. И здесь надо стремиться тоже развивать сотрудничество. Но это уже, наверное, естественный процесс, который никакими декретами не решишь. Но большую роль тут может сыграть политика на уровне региональных властей (т.е. на субфедеральном уровне).

На этом я хотел бы завершить. У меня осталось две минуты, но я думаю, что это не страшно. Спасибо.

Ведущий. Спасибо. Александр Юрьевич, два Ваших вопроса.

Апокин. У меня, наверное, уточняющие вопросы, потому что в целом я со сказанным согласен. То есть не согласен, сейчас я про это расскажу, но в общем согласен. Сейчас объясню.

Вопросы у меня поэтому будут, если позволите, несколько провокационные. Вы только не говорите, что это политика, потому что я постарался их сформулировать так, чтобы на политику они похожи не были.

Первый достаточно нейтральный. Мы знаем, что у нас в 2014 году закончилось существование Евразийское экономическое сообщество с образованием ЕАЭС. И мы знаем, что там кое-кто за бортом остался, а именно важная центрально-азиатская держава Таджикистан. Как Вы полагаете, с точки зрения той парадигмы, которую Вы описали, надо его брать, не надо, когда и зачем? Это первый вопрос.

И второй уже более полемический, если угодно. У нас самый короткий горизонт планирования из государств у Киргизии – у них есть стратегический документ до 2017 года. В принципе, до 2020 года уже у Казахстана, например, есть стратегия. И вопрос: опять же, с точки зрения этой парадигмы и, по Вашему мнению, от чего зависит, будет существовать ЕАЭС в 2020 году или не будет?

Данильцев. Спасибо. Что касается Таджикистана, я думаю, это действительно вопрос все-таки политический. Скорее всего, просто не столь крупная экономика, которая решила бы судьбу ЕАЭС.

Апокин. Я потому и думаю, что он не политический, потому что экономика не крупная.

Данильцев. Но, как Вы сказали, страна стратегически важная. И это, мне кажется, ключ к рассуждениям на эту тему. Я не очень вижу большие экономические мотивы, а вот стратегические, наверное, здесь есть.

Опять же, здесь надо посмотреть, как будет вообще развиваться все это дело на этом пространстве. Потому что мы знаем, что там интересы пересекающиеся, и Китая, и кого угодно. Планов там громадье, в этом регионе, но пока что больших успехов не видно. Опять же, будет зависеть от того, как это все пойдет.

Что касается того, что в 2020 году... Я думаю, что все-таки скорее будет, чем нет.

Апокин. Я не против того, что он будет или не будет. Я спросил, почему он может быть или не быть? Почему его может не быть? Поставлю полемический вопрос.

Данильцев. Честно говоря, я больших мотивов сейчас не вижу. За исключением, может быть, каких-то уж совсем крупных катаклизмов и конфликтов. Опять же, конфигурация.

Давайте вернемся немножко назад в историю. Мы вообще в 2008 году думали, что в 2010 году будет то, что случилось? Не совсем, да? Это было достаточно быстро. Точно так же форсировано произошли другие процессы.

Поэтому я не знаю, как на этот вопрос ответить, если честно. Но я думаю, что что-то будет. Может быть, будет еще что-то в каких-то других формах.

Почему может не быть – я не вижу прямых факторов. За исключением, как я еще раз повторюсь, каких-то уж совсем крупных катаклизмов.

Ведущий. Понятно. Ответ есть. Ваши 20 минут.

Апокин. Прошу прощения за небольшое опоздание. Я тем не менее услышал буквально всё, что говорилось. У меня, наверное, как всегда получается выступление не вполне дискуссионное, поскольку я буду рассматривать это немножко другими глазами. А именно глазами, посвященными стратегии. Если говорить о стратегии, то здесь ситуация выглядит так.

Хочется, естественно, начать со всего самого хорошего. Как раз-таки в части всего самого хорошего у нас было достигнуто много чего. Я понимаю, что евразийскую интеграцию можно отсчитывать прямо с момента, когда у нас исчез Советский Союз. И я полностью согласен с тем, что в тот момент интеграционные процессы шли с такой скоростью, с какой за последние пять лет можно было только мечтать о них. Единственная проблема в том, что это были процессы, которые, условно говоря, не столько проводили интеграцию, сколько препятствовали дезинтеграции. Это, наверное, имеет смысл тоже отметить.

Действительно, за прошедшие четыре года очень сильно поменялась структура управления. У нас появилась такая штука как совет сначала трех, потом четырех, теперь уже и пяти президентов. Появился совет на уровне профильных вице-премьеров. То есть какие-то решения можно принимать в достаточно оперативном режиме. Что не менее важно, появились постоянно действующие исполнительные органы, уже три года работает Евразийская экономическая комиссия, уже работает суд комиссии. Этим мы, например, выгодно отличаемся уже сразу же от НАФТЫ, в которой ничего подобного нет.

Не менее важно и то, что это, по сути, проходит не в качестве международного сотрудничества, а в качестве полной функциональной интеграции, включая представителей центральных банков. То есть у организации есть структура. А если у организации есть структура, то она, в принципе, может чего-то достичь.

Колоссальным продвижением стал единый таможенный кодекс. Несмотря на то, что сейчас в дьюти-фри Астаны ничего нельзя купить, когда летишь в Москву, хотя уже пять лет прошло с его введения, в остальном границ действительно нет. Соответственно, это резко снижает транзакционные издержки движения по территории.

Объявлен курс на движение к единым политикам в некотором количестве отраслевых областей, что тоже немаловажно. И за 2015 год, с момента, когда было упразднено Евразийское экономическое сообщество, два его члена – Киргизия и Армения – вступили в ЕАЭС. Достаточно быстро.

Надо сказать, что снаружи параметры объединения выглядят, мягко говоря, хорошо. Такой скоростью роста ЕС не во все годы мог похвастаться. В 2015 году он, например, всего одного члена принял, а ЕАЭС – двоих. Зона евро, прошу прощения, не ЕС.

Что касается расширения за пределы. В первый год работы подписана зона свободной торговли с Вьетнамом. На самом деле еще до начала работы, строго говоря, все было подготовлено.

Я этот слайд неслучайно назвал сначала хорошим. Первый слайд – только о хорошем. И надо сказать, что стратегическое видение формируется. То есть уже принято

целых два документа, в том числе Основные направления экономического развития с горизонтом до 2030 года. То есть некая рефлексия того, зачем это объединение будет нужно в будущем, идет.

О чем я буду говорить дальше. Проблема с ЕАЭС заключается в том, что его потребность странам-членам очень несимметрична. Вопрос на самом деле сложный и политический, но понятно, что для России бонусы, связанные с доступом к рынкам других стран-членов, гораздо меньше в силу банальной асимметрии размера экономик.

Также это является, как мы уже начали обсуждать в части Таджикистана, элементом некоторой внешнеполитической стратегии, которая никоим образом не отражена в стратегии объединения. Разумеется, внешнеполитические вопросы не были отражены и в стратегии Европейского экономического сообщества до определенного момента, пока оно не сменило название и не получило другие органы управления.

Ключевым в интеграции, с 1991 года, и даже до 1991 года, остается вынесение внутринациональных политических противоречий на международный уровень. Цитата из Основных направлений экономического развития, по сути, констатирует, что: «Различия в национальных приоритетах развития создают основу для взаимодействия экономик государств-членов». Но на самом деле мы же знаем, что взаимодействие может быть в форме дополнения, а может быть в форме субституции. То есть различия в национальных приоритетах развития могут вести не к положительной конкуренции и не к комплиментарности, а к разрушительной конкуренции.

Более того, мы наблюдаем это на целом ряде примеров – отдельные страны, в том числе после заявлений политического руководства о нужности или ненужности ЕАЭС, получают очередной кредит, получают очередную выгодную программу сотрудничества, сохраняют изъятия, которые должны были быть упразднены годом, двумя или тремя годами ранее. Я здесь говорю не про Казахстан, если что. И по сути, на данный момент интерес участия в союзе в значительной степени поддерживается краткосрочными мерами. Если это будет так продолжаться и дальше, то возникает вопрос, сколько это будет в итоге стоить основным донорам.

Не менее важно, что действительно нет никакого делового сообщества, которое поддерживало бы евразийскую интеграцию. Это действительно считанные единицы бизнесменов. Условно говоря, на Астанинском форуме и на Питерском форуме пересечение аудиторий не составляет и 10 %. А это, между прочим, деловое сообщество интеграционного объединения.

Здесь указаны последние действия некоторых стран ЕАЭС, которые угрожают его существованию. Сейчас мы быстро слайд перелистнем, ведь это далеко не все известные случаи подобного поведения.

К чему я еще хотел привлечь внимание? ОНЭР принята с горизонтом на 2030 год. Если посмотреть на горизонты долгосрочных стратегических документов, мы увидим, что в России это 2030 год, в Белоруссии только-только принят 2030-й. В Казахстане декларируется 2050 год, по факту детальный документ есть до 2020 года. До этого в 1997 году был принят до 2030-го, там примерно столько же было содержания, как в том, что сейчас принято до 2050-го. В Армении это 2025 год, тоже очень свежий документ. В Киргизии – 2017-й. Долгосрочная стратегия Киргизии по понятным причинам несколько затруднена.

Соответственно, отсюда вопрос: в рамках какой стратегии собственно развивается ЕАЭС? ОНЭР ответа на этот вопрос напрямую не содержит. Там описано некоторое количество сценариев развития, объединения, по которым вычисляется агрегированный эффект. Но утверждения, что именно по этим сценариям предполагается развитие, в других (стратегических) частях документа не содержится.

И здесь собственно мой вопрос, только я его переформулировал. Поскольку ОНЭР у нас до 2030 года, вопрос: зачем им нужен ЕАЭС не сегодня (потому что сегодня

понятно, зачем, в 2016 году), а через 15 лет – в 2030 году? Потому что в отличие от 2016 года к 2030 году перед государствами встают вполне реальные альтернативы.

Какие вообще можно придумать долгосрочные стратегии? Самая простая, которую постоянно итерируют в качестве страшилки, – это возвращение на 25 лет назад и переход к формату то ли конфедерации, то ли федерации, то ли уже сразу же союза. Если посмотреть любые газеты, которые издаются в таком желтом формате, там это можно легко найти. Особенно газеты в странах-членах.

Переход к унификации общих стандартов, единых политик и т. д. (я условно назвал это «ЕС-94» или «Европейское экономическое сообщество» по-другому) – это, по сути, современная парадигма, которая есть.

В ОНЭР содержится такой сценарий, который называется «транзитно-сырьевой мост». Здесь, наверное, не нужно объяснять, что имеется в виду. Мы качаем и туда, и туда углеводороды, и еще по нашей территории идет некоторый грузовой поток. Это считается некоторым базовым сценарием. Не целевой, разумеется, не идеальный, но базовый.

То есть ответа на вопрос, какая стратегия, ни в одном из стратегических документов вы не найдете. В выступлениях официальных лидеров тоже не найдете.

Какие конкуренты у нас в данном случае? Понятно, что для стран, которые находятся ближе к Западу, это программа «Восточное партнерство» Евросоюза. Для стран, которые находятся на Востоке, в первую очередь для Республики Казахстан, это анонсируемый сейчас и совершенно непроработанный Экономический пояс Великого Шелкового пути.

Теперь вопрос. Понятно, то, что я назвал «новая страшилка», просто предполагает значительную интеграцию перед этим. Современное состояние действительно соответствует «ЕС-94». Я, уж извините, использую популярный в литературе термин «ЗСТ+», который подразумевает в том числе гораздо более продвинутые формы интеграции, чем зона свободной торговли. Но подразумевает, грубо говоря, развитие не впрямую, то есть с движением к единой валюте, а вбок, то есть помимо четырех свобод и чего-то еще переход к согласованным макроэкономическим политикам. В частности, доклады Евразийской экономической комиссии уже сейчас содержат призыв перехода к единому макроэкономическому ориентиру для центральных банков, то есть некий единый инфляционный таргет. И вполне возможно, что в ближайшие годы такой переход осуществится. В процессе начнется согласованное движение валютных курсов. И кто его знает, до чего мы так дойдем. Скорее всего, если такая ситуация с ценой на нефть будет, ни до чего мы не дойдем.

Момент в том, что этот объект в некотором роде статичен. У нас есть пространство, мы на нем убираем барьеры, и у нас действительно отраслевые рынки молока, сахара или, если угодно, подгузников прекрасно согласованы, там единая антимонопольная политика и все остальное. Вопрос, вырастет ли что-то на этой ровной земле. И в стратегии должен содержаться ответ на этот вопрос, а его нет. По сути, это просто такое продление настоящего.

И это несет в себе нестабильность. Потому что в настоящем одна из стран, грубо говоря, привыкла финансировать свой устойчивый счет текущих операций за счет внешних займов. То в Антикризисном фонде, которым сейчас ЕАБР управляет, то в МВФ, то наоборот... Сразу же простой вопрос: а что с этой страной дальше будет?

Есть другая страна, которую мы не будем называть, у нее есть некоторые сомнения в том, что Транссиб является самой лучшей транспортной магистралью из Китая в Европу. И по этому поводу, по поводу визита в эту страну Си Цзиньпина был подписан большой инвестиционный контракт на 40 миллиардов долларов. Соответственно, вопрос: зачем такой стране ЕАЭС? Нужен ли он ей? Понадобится ли он ей через десять лет? Хороший вопрос.

И надо понимать, что любое объединение, которое предлагает стратегию развития... Условно говоря, у ЕС со стратегией развития все в порядке. Внутри ЕС так

мало кто считает, но нам снаружи кажется, что там всё просто замечательно. ЕАЭС натурально не имеет шансов, если у него нет своей стратегии и нечего предложить, что будет через 15 лет. Про транзитно-сырьевой мост поговорим немножко дальше.

В силу того, что у меня осталось всего пять минут, я тогда быстренько пропущу то, как у нас будет устроена проекция на будущее. Потому что нам, когда мы строим стратегию, важно понимать, что там есть недавно вброшенная концепция четвертой промышленной революции, есть концепция, связанная с ростом глобальной конфликтности и размыванием границ мира и войны. Есть проблемы, связанные с движением человеческих ресурсов. И мир, который в данном случае формируется, и мы его, вероятно, увидим через 15 лет... Правильно было сказано: «Кто мог ожидать, что будет в 2010 году из 2008 года?» Из 2016 года точно так же сложно ожидать, что будет в 2030 году. Но некоторую стратегию движения внутри этого надо иметь. В концепции управления гибкостью или в другой менее модной концепции, но нужно. В данном случае стратегические документы у всех стран-членов рассматривают сценарии. Может быть, не так хорошо, как National Intelligence Council, но неплохо рассматривают.

И здесь ключевым является момент (я даже не буду на этом долго останавливаться) так называемой конкурентоспособной юрисдикции. Дело в том, что такая вещь как защита прав инвесторов, институты и независимые суды, они первичны в ситуации, когда мы говорим про проекты мелкого и среднего масштаба или про маленькие экономики.

Когда мы говорим о проектах такого размера, что они сопоставимы с размером ВВП, мы уже говорим о крупных проектах. И для этих крупных проектов нужны совершенно другие типы защиты прав инвесторов, другая защита субъектности. Там уже очень важна такая часть как стратегия, то есть в рамках какой стратегии это может стоять.

Понятно, что, если юрисдикция конкурентоспособна... Например, те юрисдикции, в которых ведет бизнес российский бизнес, очень конкурентоспособны, в отличие от тех, в которых пытаются деофшоризировать. И это дает регуляторам таких юрисдикций огромные возможности. Мы можем ограничивать приход на свои рынки через стандарты качества. Мы можем при принятии прямых иностранных инвестиций ограничивать участие зарубежных акционеров «золотой акцией». Мы можем на те компании, которые нам почему-то не понравились, потому что очевидно, что они злоупотребляют своим доминирующим положением, накладывать антимонопольные штрафы такого размера, который нам кажется справедливым. Против тех стран, которые, с нашей точки зрения, двигаются не в том направлении, то есть нам просто не нравится их стратегия, она может, в частности, очень плохо сказываться на правах человека, мы можем вводить санкции различной тяжести на тех рынках, на которых, нам кажется, эти страны выигрывают конкуренцию у наших производителей местами. Ну и, разумеется, когда всё, all fails, мы можем прийти и навести там порядок теми методами, которые нам понравятся.

Алексей Георгиевич Макушкин очень любит этот пример. Была такая стран Ирак, где все было в порядке и с консенсусом элит, и с перспективами развития, и со стратегией, но одна проблема, к сожалению, – она в более глобальный стратегический сюжет не вписалась. И теперь на месте Ирака failed state.

Это тоже нужно учитывать, если мы говорим про крупные проекты. Если мы собираемся строить маленькую красивую IT-компанию, которая для Facebook делает приложения, нам, наверное, это не очень важно. Если мы собираемся строить большую железную дорогу, по которой будут возить товары из Китая хотя бы до России, все это надо иметь в виду. Поэтому не все субъекты стратегии конкурентоспособны.

Что мы можем сказать про ЕАЭС? ЕАЭС на данный момент этим критериям в долгосрочной перспективе не удовлетворяет. И надо понимать, что, когда речь идет о стратегии ЕАЭС, судя по всему, надо в первую очередь ориентироваться на достройку по тем элементам, которых на данный момент объединению не хватает.

Условно говоря, если в объединении нет возможности обеспечивать права инвесторов, тогда надо заниматься правами инвесторов. Или это возьмет на себя более

конкурентоспособная юрисдикция. Надо заниматься технологическим превосходством и возможностями для технологического развития. Или мы потеряем свое место в цепочке разделения труда, в цепочках добавленной стоимости как раз-таки.

Если мы посмотрим (отсылаюсь к Дмитрию Рэмовичу Белоусову) на то, что было, как считалось, в начале 2000-х, то страны ЕАЭС занимали средний и низкий сегменты, и очень хотелось попасть куда-то в сегменты средневысокой добавленной стоимости. Что получилось в итоге? В итоге там оказался Китай. И частично с аутсорсом в Восточную Европу, если угодно, сполз Евросоюз. А место ЕАЭС так одним кусочком там осталось, то есть там какая-то конкурентная ниша, наверное, по-прежнему есть.

Я прошу прощения, 30 секунд осталось, поэтому я очень схематично, к сожалению. Эту часть я покажу, если у нас будет дискуссия.

Если кратко рассуждать про стратегию транзитно-сырьевого моста, которая у нас есть, это стратегия, в которой нам придется, если мы смотрим глазами ЕАЭС, встраиваться в чужую стратегию. А именно, скорее всего, в стратегию Экономического пояса Великого Шелкового пути. Если рассматривать эту ситуацию крупными мазками, здесь есть огромный риск потери собственной субъектности. И несмотря на то, что проект для нас чрезвычайно привлекательный, здесь очень важно что-то предложить взамен. И здесь ЕАЭС может выступать как интерфейс взаимодействия. При том что ни Казахстану, ни Белоруссии, ни России по-своему не удастся этого сделать.

Всё.

Ведущий. Спасибо. Два вопроса от Александра Владимировича.

Данильцев. Большое спасибо. Действительно очень интересно. Я хотел бы, может быть, не очень корректно, тем не менее один вопрос вернуть, только, естественно, перевернув его. Почему ЕАЭС может быть?

И второй вопрос. Действительно Вы нарисовали достаточно проблемную картину с выработкой стратегии. Но мне представляется, что в данном случае может быть две причины, почему в любой стратегии всё не очень хорошо: то ли это результат каких-то субъективных факторов, то ли все-таки объективных. Как бы Вы это прокомментировали?

Апокин. Почему он может быть? Здесь, по сути, основная часть, как раз к которой я хотел переходить.

Он может быть ровно в одном случае – если за пределами вот этого level playing field, то есть равенства возможностей, единых политик, интеграции, в перспективе – вступления в другие международные организации, мы не только обеспечим, условно говоря, ровную землю, но и что-то на ней посадим. Рассчитывать, что у нас сформируется среда и тут же начнется рост, это оптимистично – среда растет в ситуации, когда среду выращивают. То есть для того чтобы среда выращивалась, нам нужны проекты, которые, как минимум, сделают страны ЕАЭС взаимозависимыми.

На данный момент проектов, которые делают страны ЕАЭС взаимозависимыми, у нас нет. История про транзитно-сырьевой мост, по сути, пример такого проекта, который обеспечивает некоторую территориальную интеграцию, в которой страны ЕАЭС получают преимущества. Но получить они их могут только в случае координации стратегий. Если какая-то из этих стран от стратегии отклоняется, все преимущества останутся на том уровне, который есть сейчас. А сейчас, если мы посмотрим на разделение труда, с преимуществами там будет становиться все хуже и хуже.

Если говорить про вторую часть, про то, объективный или субъективный это фактор. Так как я говорю про стратегию, мне кажется, что это проблема субъективная. В коротком временном горизонте на данный момент стимулов кооперироваться практически нет, если мы рассматриваем, условно, 2017, 2018, 2019 год, но там нет и стратегии, а кооперативные действия, по сути, подразумевают сдачу позиций какой-то из стран. Какие-то преимущества это сможет принести только через десятилетие. Поэтому если мы смотрим на это с позиции длинного горизонта, то это отсутствие кооперации по субъективным причинам. Если с короткого – то по объективным. Я бы так ответил.

Ведущий. Спасибо. Мы переходим к вопросам. Пожалуйста, кто хочет задать вопрос, поднимите руку. Задавая вопрос, будьте добры, представляйтесь и говорите, кому этот вопрос задается. Сейчас мы начнем сбор вопросов.

Винокур. Сергей Винокур, «Вопросы экономики».

У меня вопрос к обоим докладчикам. Скажите, пожалуйста, видите ли вы возможность в рамках Евразийского союза более высокой степени интеграции, то есть продвижение к совместному центральному банку и министерству финансов? Спасибо.

Паппэ. Яков Паппэ. Александр Владимирович, у меня к Вам вопрос. Не могли бы Вы сформулировать короткий тезис, который я должен был вынести из Вашего доклада?

И вопрос к Александру Юрьевичу. «Стратегия» было очень популярным словом у Вас. Но стратегия не бывает у объекта. Стратегия бывает у субъекта. Какой субъект Вы подразумевали, говоря о стратегии?

Благодарю за внимание.

Домбровски. Марек Домбровски, Высшая школа экономики. У меня есть два вопроса, которые касаются механизма Таможенного союза, в котором есть достаточно жесткие механизмы – отсутствие внутренних таможенных границ и единая внешняя таможенная граница. Во-первых, присоединение Кыргызстана и Армении. Обе страны до этого были членами ВТО и вступили в ВТО при значительно более низких тарифах, чем внешний тариф Евразийского союза. Не могли бы разъяснить, какой здесь механизм доведения этого тарифа обеих стран до единого внешнего тарифа? Учитывая, что обязательства обеих стран закреплены в нескольких десятках двухсторонних протоколов ВТО.

Второй вопрос. Как работает и дальше будет работать Таможенный союз в условиях санкций, контрсанкций? Здесь даже контрсанкции кажутся более серьезными, потому что они в большей степени, чем западные санкции, касаются торговли товарами.

И также в контексте того, что произошло с договором про «СНГ+» в отношении Украины. Насколько я понимаю, Россия расторгла или заморозила этот договор, а другие страны – члены Таможенного союза и Евразийского союза – продолжают действие этого договора. Как в этих условиях будет развиваться сам Таможенный союз?

Спасибо.

Дубнов. Аркадий Дубнов, эксперт по Центральной Азии. Два очень коротких вопроса.

Первый докладчик рассказал, что скорость, с которой строился Евразийский экономический союз, была несравненно выше, чем строился Евросоюз, и это является его достоинством. По Вашему мнению, это была субъективная или объективная характеристика?

Второй точно такой вопрос. События последних двух лет, последнего года, в частности проблем с транзитом одной страны для экономики другой страны. Это тоже субъективно либо объективно здесь?

Спасибо.

Исмаилова. Исмаилова Ольга, ВАВТ(?). У меня два вопроса.

Первый. На ваш взгляд, каких наднациональных компетенций не хватает текущим институтам ЕАЭС для развития интеграции?

И второй вопрос. Почему многие прогрессивные положения, которые были в проекте договора, не прошли, то есть не были включены в итоговую версию?

Гнидченко. Андрей Гнидченко, ЦМАКП. У меня вопрос к Александру Юрьевичу. У Вас было достаточно много различных количественных характеристик. Может быть, даже и не показывая, если времени мало, просто могли бы прокомментировать, какие выводы Вы хотели на основе этих данных, которые не успели, к сожалению, показать, продемонстрировать?

Спасибо.

Ведущий. Пас от коллеги. Всё, да?

У меня есть еще вопрос, если можно, тоже. Двоим докладчикам я бы хотел задать вопрос. Не видите ли вы на данный момент рисков в связи с фактически изменением, серьезной реструктуризацией основного управляющего органа – Евразийской комиссии – и сохранением старой, зафиксированной в договорах, модели? Не видите ли вы здесь риска для будущего существования Евразийского союза?

Мы сейчас передаем слово сначала Александру Юрьевичу.

Апокин. Сначала, наверное, к количественным характеристикам. Раз уж это действительно был пас от коллеги, позвольте немножко назад вернуться. Из интересного здесь несколько вещей.

Первое. Это действительно колоссальный перекокс конкурентных условий внутри союза. И здесь не отражено еще дополнительное падение в начале года. Соответственно, вы можете сделать вывод о том, что, если в зоне свободной торговли валюты двигаются примерно вот такими среднесрочными динамиками, здесь постоянно будут возникать диспропорции. И мы эти диспропорции наблюдали еще на примере истории с ЕС совсем недавно.

Вторая часть, на которую я хотел бы обратить внимание. Во-первых, если мы посмотрим с точки зрения конкурентоспособности, у нас на данный момент единственная действительно производительная экономика, с учетом того, что произошло в 2014 году, – это Казахстан. А сектор, за счет которого Казахстан производителен, мы все знаем.

Соответственно, объективно с национальной конкурентоспособностью у членов ЕАЭС все, мягко говоря, не очень благоприятно. И здесь то, что говорят, что Россия получила колоссальные конкурентные преимущества, это тоже интересный такой момент, с учетом того, что в России параллельно снизилась измеренная вот таким образом производительность.

И возможности для долгосрочного развития, если мы посмотрим на стандартную меру отношения инвестиций к ВВП, у этих стран находятся на самом деле на уровнях немногим выше, чем у стран ОЭСР. Страны ОЭСР говорили, что они чудовищно недоинвестируют на уровнях в 18–19 % ВВП. Здесь вы видите уровень 24 %... Это мы уже закрыли Россию. Большой вопрос, о каких возможностях долгосрочного роста и роста единого рынка, на который будут приходить другие страны-члены, здесь можно говорить. Это тоже, очевидно, внутренняя структурная ситуация, с которой надо что-то делать.

Не менее важна здесь и история - что изменилось, если мы сравниваем 2006–2008 годы и 2012–2014 годы, рассматривая такую штуку как добавленная стоимость в экспорте и в импорте. Изменения здесь с точки зрения экспорта на внешние рынки практически не произошло. Единственное изменение, про которое мы можем более-менее серьезно здесь говорить, – это Казахстан и третьи страны здесь. И, соответственно, Армения в 2012–2014 годах, если мы берем все группы, туда входит сельхозпродукция. Вот, условно, конкурентные преимущества, которые эти страны получили и реализовали за прошедшие годы.

Это по тому, что я хотел показать. Теперь по вопросам.

Яков Шаявич совершенно правильно спросил по тому, кто может являться субъектом этой стратегии. Все очень просто. ЕАЭС управляет Высший евразийский экономический совет, совет трех, а сейчас уже – пяти, президентов. Никто кроме него на данный момент субъектом такой стратегии являться не может. Мы прекрасно помним в данном случае и возрастную структуру этого совета, и политическую ситуацию в странах ЕАЭС. И надо делать скидку и на это, в том смысле, что 15 лет в качестве горизонта у этого совета может и не быть интегрально. Так что вопрос в этом смысле очень ехидный, не побоюсь этого слова.

По вопросу единого ЦБ и единого минфина. Действительно, судя по всему, памятуя о долговом кризисе в ЕС и в зоне евро, соответственно, трехлетней давности, это та история, куда имеет смысл двигаться, не дожидаясь, пока у нас будет достаточно похожая ситуация. Тем более что в некоторых странах она уже есть.

Но здесь есть большая проблема, поскольку вся координация по линии Высшего евразийского совета идет через исполнительные органы. А центральные банки у нас, как известно, являются независимыми, поэтому полномочий по координации с центральными банками комиссии совершенно недостаточно, даже для того, чтобы адаптировать единый инфляционный таргет. Соответственно, если центральные банки как-то захотят между собой договориться совершенно случайно, то это получится сделать. С точки зрения постоянно действующих органов такой возможности нет. Единственной возможностью обладает опять же Высший евразийский совет.

Очень интересный вопрос по поводу санкций. Это вопрос, на который, я думаю, мой коллега ответит гораздо подробнее. Но если кратко, то санкции не являются как таковой ограничительной мерой, они не являются конкурентной мерой. Более того, на государство, которое ввело санкции, сложно как-то подать в суд в рамках международных торговых объединений, как неоднократно выясняли для себя... Последний вот Иран выяснил. Так что здесь действительно есть некоторые политические риски. Правовых рисков здесь, скорее всего, не будет, поскольку, в принципе, мидии и пармезан никуда не исчезли, как мы догадываемся.

Наверное, это основное из того, что спрашивалось у меня.

Ведущий. Как это? По тарифам был вопрос.

Апокин. По тарифам – я все-таки его делегирую. Потому что торговая политика не моя сильная сторона, если вы заметили.

Наверное, интересный вопрос, каких компетенций не хватает руководящим органам. Здесь я скажу, что всем органам всегда не хватает абсолютно всех компетенций. И более того, почему-то самые прогрессивные инициативы всегда содержат какие-нибудь дополнительные компетенции, которые кому-то не понравились, и поэтому их сняли. Это в частности одна из причин, почему в Основных направлениях экономического развития практически нет ни одной цифры и практически нет ни одного стратегического обязательства. Хотя в более ранних вариантах было очень много чего интересного, как невольный соавтор могу сказать.

Поэтому компетенций не хватает очень многих. Если очень просто, то о едином минфине вообще говорить, наверное, вообще мало реально, потому что это уже конфедеративная структура получится. О едином соглашении между центральными банками и повышении доли национальных валют в расчетах, наверное, говорить разумно.

Но здесь, опять же, речь идет о некотором добровольном самоограничении центральных банков. Как к нему прийти – непонятно. Потому что на данный момент есть такой простой и показательный пример. Пару лет назад Россия считала бюджет под 110 долларов за баррель, а Казахстан – под 90. Были такие хорошие времена. Сейчас, соответственно, Россия считает под 50, кажется, а Казахстан – под 30. Поэтому существует специальный документ, в котором страны должны согласовывать интервал цен. В данном случае интервал цен, который будет согласован, будет от 30 до 50 долларов.

Наверное, каких-то компетенций по координации действительно не хватает. Но вопрос, как их создать, это не вопрос к ЕЭК и, наверное, не вопрос к ЕАЭС, а вопрос прямо к Высшему совету.

Ведущий. Спасибо. Александр Владимирович.

Данильцев. Спасибо большое.

Первый вопрос, насколько я помню: будут ли достигнуты более высокие уровни интеграции? Такой был первый вопрос?

Я бы ответил на него и да, и нет. Потому что, честно говоря, я думаю, что интеграция дальше будет развиваться и у нас, и в других местах (я уже это не один раз говорил) не так, как это предусмотрено классической схемой. Поэтому я думаю, что продвижение будет, но оно не обязательно будет таким прямолинейным, как мы

привыкли думать, общая валюта сразу... ну, не сразу... Оно может пойти по совершенно различным направлениям, путям и т. д. Но, я думаю, какое-то движение будет.

О трех тезисах. Я собственно ориентировался на четыре вопроса, которые здесь сформулированы. Первый тезис, что действительно был достигнут большой прогресс в организационной части интеграционных мероприятий.

Второе. Повторю ответ на первый вопрос, что не надо здесь ждать таких классических маршей по интеграционному пути. Возможно продвижение по разным направлениям. Хотя общая тенденция, наверное, будет соблюдаться.

И третье. Здесь, наверное, мы совпадем с коллегой. Что самая главная проблема и риск – это собственно недостатки самих экономик. То есть там и сырьевой характер, и низкая эффективность, и все такое прочее.

Третий вопрос про Таможенный союз, пошлины и ВТО. Собственно, Вы на него ответили. Действительно имеются разные обязательства. И те страны, которые Вы привели, у них действительно очень низкие тарифы, поскольку это небольшие государства, и, как правило, для них характерен здесь очень либеральный подход. Но не они представляют наибольшую проблему. Скорее всего, Казахстан.

В ВТО предусмотрен для этого механизм в рамках XXVIII-й статьи ГАТТ. Эти обязательства вскрываются, по ним проводятся соответствующие переговоры, и в классическом варианте предоставляются определенные компенсации. Если обязательства одной страны, Армении, например, ухудшаются с точки зрения внешнего доступа на рынок, то в дальнейшем, если это Таможенный союз, он предоставляет определенные встречные уступки. Согласуется баланс этих уступок.

То есть это опять тарифные переговоры. Это нормальная процедура для ВТО. Правовые механизмы для этого там предусмотрены. Другое дело, что это могут быть достаточно трудные переговоры. Ну, для этого ВТО собственно и создавалось.

Что касается санкций, я не буду здесь вдаваться в юридические подробности. Во-первых, я не юрист и просто не могу это сделать. Во-вторых, что бы я сказал о санкциях? Это вопрос вредный и внешний, поскольку, как мне приходилось слышать, и мне этот подход очень понравился, многие наши зарубежные коллеги здесь употребляют слово contaminated. То есть торговля, экономическое взаимодействие заражаются. Такой негативный термин.

Первое, что я здесь должен сказать. Те механизмы, о которых мы тут говорим, – интеграция в той же ВТО и другие... Вы совершенно правильно сказали, маленькая вероятность, что это будет решено через вот эти все механизмы. Ведь механизмы для этого не предусмотрены. Они просто для этого не приспособлены. И они не должны этими вопросами заниматься. Действительно это такой внешний вирус, заражение, которое появилось. И скорее всего, здесь придется надеяться на то, что это, как грипп, пройдет. Собственно механизмов, как с этим справиться, кроме как политических, нет.

Что касается Таможенного союза, то мне представляется, что это фактор здесь полезный, поскольку это создает стабильность и инерционность, чем больше мы берем объем субъекта, тем, по идее, он будет стабильнее в такой ситуации, когда его раскачивают. Поэтому я думаю, что это так. Хотя, может быть, это спорная точка зрения.

По поводу скорости Евросоюза и у нас. Да, я говорил, что это действительно будет быстрее. Но это правда. Может быть, так сложилось ощущение, но я не имел в виду, что это только преимущество. Это достижение, но это не значит, что-то не создавало проблем. Огромные проблемы создавало – и юридические, и организационные, и какие угодно. Но, в принципе, да, как-то механизм стал работать, никто это не отрицает. И то, что все-таки добились определенной работоспособности, наверное, это плюс.

По поводу того, каких не хватает компетенций. Я согласен с коллегой. Честно говоря, тут сложно, я не берусь так прямо сказать, действительно каких. Жизнь покажет.

По поводу вопроса о прогрессивных положениях. Хотел бы уточнить у Вас, что Вы имели в виду?

Исмагилова. Я имела в виду как раз те самые компетенции, которые были гораздо шире в проекте.

Данильцев. Тогда я отвечу таким образом. Свяжу это с вопросом о скорости. Все-таки здесь должны быть какие-то разумные рамки. И так скорость была высокой. Поэтому я думаю, что это не обязательно минус.

Что касается рисков, я повторяюсь, и мне кажется, данные, которые приводились, они примерно в этом же направлении работают, что риски связаны с недостатками тех экономик, которые в этом мероприятии участвуют. И структура, и специализация, и эффективность, и общие недостатки в формировании бизнес-среды, управления и т. д.

Здесь я хочу обратить внимание еще на один момент. Эти недостатки тоже общие, что в определенной мере тоже может быть некоторой почвой для взаимной работы, поскольку я не уверен, что все участники этого процесса легко интегрируются во что-нибудь другое.

Спасибо.

Апокин. Некоторые не интегрируются ни за что.

Ведущий. Еще спросить хотите? Конечно, давайте еще спросим, если появились новые вопросы или кто-то не получил ответа на свой вопрос. Время есть.

Глазатова. Вопрос короткий. Глазатова Марина, Высшая школа экономики.

Вопрос к обоим докладчикам. История определяет будущее, это известно, говорил еще Ключевский. В связи с чем, как вы считаете, какие причины стояли у истоков создания ЕАЭС? Сохранились ли эти причины до настоящего времени? И будут ли эти причины держать ЕАЭС в будущем?

Ведущий. Спасибо. Мне кажется, этот вопрос уже как-то так затрагивался.

Муж. Добрый вечер еще раз. Вопрос к обоим докладчикам, наверное. Даже два вопроса.

Первый вопрос. Насколько ЕАЭС дает некоторую призрачную или не призрачную надежду на то, что мы можем преодолеть технологическое отставание, развивать инновации и т. д.? Есть у нас некоторая историческая перспектива? Или мы вынуждены согласиться с тем, что мы оседлали низкую волну, там, где мы в диаграмме находились, так и будем находиться, и наша стабильность в рамках этого ЕАЭС определяет в этом смысле наше будущее?

И второй вопрос. Я, к сожалению, не вспомню, кто говорил насчет того, что мы ограничены в наших планах коротким горизонтом. Почему китайцы и японцы, особенно японцы после Второй мировой войны, способны были планировать на 50, на 100 лет вперед некоторые стратегические цели, а мы не способны?

Манзанова. Манзанова Галина, Институт востоковедения РАН.

Сейчас, мы знаем, есть такие союзы как Тихоокеанское партнерство, Трансатлантическое партнерство, и там уже созданы институты такого соглашения, они уже реализуются и продвигаются очень быстрыми шагами. В связи с этим ЕАЭС, как оно пойдет? У нас могут ли тоже какие-то такие институты развиваться, типа Трансатлантического партнерства? Что-то из них, может быть, позаимствовать? И вообще есть ли перспектива в этом? Или, допустим, как Тихоокеанское партнерство. Ясно, что здесь очень большие противоречия. Но что-то они могут из этого заимствовать? Или это невозможно?

Ивахнюк. Меня зовут Ирина Валентиновна Ивахнюк. Я отсюда, с экономического факультета МГУ.

У меня вопрос, наверное, к Александру Юрьевичу, поскольку он произнес фразу насчет того, что недостаточная взаимная зависимость, наверное, является, ну, если не преградой, то осложняет перспективы развития Евразийского экономического союза. А не могли бы Вы назвать точки взаимозависимости, которые есть? Как Вы их видите? Для меня, человека, который профессионально занимается трудовой миграцией, был бы интересен Ваш взгляд на то, что несомненная взаимная зависимость в потоках трудовой

миграции, которая обуславливается совершенно различной демографической ситуацией и в странах постсоветского пространства, и в странах ЕАЭС, она как раз, может быть, и диктует этот взаимный интерес? Может быть, что-то еще Вы назовете? Может быть, это оцените? Спасибо.

Ведущий. Спасибо. Всё? Давайте тогда второй раунд ответов на вопросы.

Данильцев. По поводу первого вопроса, о сохранении или несохранении причин.

Я думаю, что прошло еще не так много времени. Тут надо смотреть, в каком временном масштабе мы смотрим: или начиная с 1992 года, или начиная с 2009 года, или просто уже последняя трансформация. Я думаю, что они продолжают действовать в любом случае в той или иной мере. И в обозримом будущем все-таки продолжатся, но, конечно, с учетом тех влияний и трансформаций, о которых мы здесь говорили.

Следующий вопрос – это инновации, по-моему?

Апокин. Технологическое развитие.

Данильцев. Да. Так себе записал просто коротко.

Чисто теоретически, да, должен способствовать. Что будет практически – я не берусь судить. Сложно сказать, поскольку, как мы понимаем, это тема для нас крайне сложная, и есть масса причин, которые не позволяют этому направлению хорошо развиваться. Я не думаю, что ЕАЭС тут перевернет все с ног на голову.

Почему не можем четко планировать? Я думаю, здесь много причин, и это не связано с проблематикой интеграции. Я думаю, это скорее уже специфика национальной политики, экономики и т. д. Хотя я бы не сказал, что мы совсем ничего не можем планировать. Были примеры, когда и на нашей территории реализовывались довольно длительные проекты – и плохие, и хорошие. Это вопрос во всяком случае не интеграционной повестки, я так думаю, честно говоря.

Интересный вопрос о «мега-РТС» так называемых прозвучал. Сейчас очень модная тема.

Что касается Трансатлантического партнерства, до него еще далековато. И даже сравнивать нельзя с ЕАЭС. Как и Тихоокеанского. Но Тихоокеанское формально хотя бы существует уже.

Интересный вопрос, но я бы его немножко по-другому, может быть, сформулировал. Так, как он был сформулирован прямо – можно ли заимствовать... Да всё заимствуют, мне кажется, очень многое. И из Евросоюза мы позаимствовали, и здесь будут заимствовать, естественно. Мы никуда не денемся, мы в одной мировой экономике находимся. Знаете, есть такая теория, что все продвинутые самолеты похожи друг на друга не потому что все копируют друг у друга, а просто объективно законы физики одни. Поэтому тут какое-то сходство будет.

Интересно здесь по-другому посмотреть – как будет ЕАЭС чувствовать себя среди этих мегамонстров. И как он будет с ними взаимодействовать. Это действительно интересная проблема. Если мы предположим, что мегапроекты, они вообще существенны и реальны. Потому что сейчас очень сильная шумиха вокруг Тихоокеанского партнерства. На самом деле всё там не так уж колоссально, как это представляется. Действительно это проект, который был интересен для Соединенных Штатов, это правда. Но по оценкам, какие есть, мировая экономика не перевернется с ног на голову.

Точно так же и про Трансатлантический. Есть какие-то вообще совершенно катастрофические сценарии о том, что там чуть ли не наполовину сократится производство в Европе. Я тоже их, честно говоря, не разделяю. Все объективные оценки говорят о том, что, да, будут некоторые сдвиги, но не настолько.

Здесь первый вопрос – это насколько сами эти монстры являются монстрами и перевернут действительно ситуацию. Если да, то интересно, как с ними взаимодействовать. Здесь есть и определенные преимущества, и риски очень большие.

Потому что ситуация состоит в том, что основные товаропотоки, пресловутые цепочки создания стоимости, они до сих пор преференциальными механизмами не

обслуживались. И на самом деле не было прямой взаимосвязи между основными потоками этих цепочек и региональным сотрудничеством. Региональное сотрудничество шло как бы по периферии. А теперь мы видим, что как минимум между Северной Америкой и Европой, определенные в Азиатском регионе... Правда, не все. Китай, который формирует значительную часть этих цепочек, находится на самом деле вне этих процессов.

Вот здесь могут быть определенные проблемы у ЕАЭС, потому что надо как-то либо включаться, либо строить что-то свое. Не остаться бы так немножко на задворках. Да, это действительно проблема, не гарантированная, но возможная.

И последний вопрос – недостаточная взаимозависимость. Мне кажется, мы тут его уже касались в разных аспектах...

Зависимость-то есть, и мы про нее много говорили. И, как мы видим пример той же Украины, не очень хорошо встраивается в другие механизмы.

Апокин. Ладно, стало быть, я пойду по вопросам задом наперед, начиная с того, который сейчас обсуждался.

Когда я говорил о том, что мало взаимной зависимости, я на самом деле говорил о метафоре альтернативных издержек. Когда идет выбор, с кем вместе строить стратегию на долгосрочную перспективу, обычно есть конкретный набор вариантов. Самый простой набор вариантов, как я уже сказал, для стран, которые находятся на Западе, это программа «Восточного партнерства» ЕС, а для стран, которые находятся на Востоке, это Экономический пояс Шелкового пути.

С «Восточным партнерством» все гораздо понятнее и более прогнозируемо. А Экономический пояс Шелкового пути на данный момент еще большая химера, чем некоторое дополнительное расширение ЕАЭС. Потому что пока что кроме деклараций и каких-то условно нарисованных на карте линий есть только какие-то условные меморандумы о двустороннем сотрудничестве, которые Китай заключал. Поэтому там все чуть-чуть сложнее с точки зрения долгосрочной перспективы. Но на данный момент альтернатива, которая предлагается каждой из стран – членов ЕАЭС, кроме России, – это либо то, либо другое.

Соответственно, когда я говорю о взаимозависимости, я говорю о том, чтобы в рамках стратегии повышать альтернативные издержки, чтобы было выгоднее оставаться в ЕАЭС и потенциально от этой интеграции получать больше. И речь идет не о платежах, условно говоря, наличными сейчас в виде кредитов или в виде изъятий, которые предоставляются, а как раз о платежах, надолго отложенных. И здесь я имею в виду именно стратегический выбор.

Что касается миграции. Обещание одного очень большого экономического интеграционного объединения отменить визы с одной восточноевропейской страной, по сути, спровоцировало в этой стране революцию, когда руководство, условно говоря, пошло наперекор мнению народа. Вот что примерно ЕАЭС может предложить. Понятно, что там было много чего другого, но, если мы бы говорили про конкретного человека, у которого был выбор мигрировать на восток или на запад, как только ему пообещали возможность мигрировать на запад, он бы ни на секунду не усомнился.

По этому поводу есть известная пословица. Меня дополняют, кто ее когда сказал. Если я правильно помню, про Латвию. «Последний, кто уедет из Латвии, выключите за собой свет».

Я имею в виду, что миграция, наверное, может быть стимулом, но только для тех стран, которым присоединение даже к «Восточному партнерству» не светит. В частности, для Армении это стало фактором для вступления в ЕАЭС, потому что в силу внешнеполитической конфигурации присоединение к ЕС для этой страны стало невозможным. И когда они комментировали решение на экспертном уровне, честно признавались, что это все не от хорошей жизни, а ровно от того, что «ну хорошо, мы вас берем, потому что в ЕС мы не попали». Понятно, что, если завтра появится реальная

альтернатива в этой же самой ситуации, сомневаться, скорее всего, не будет никто. Здесь надо быть реалистами.

Предположим другую ситуацию. Когда у нас построена единая инфраструктура, частично состоящая из Транссиба, частично из казахстанских магистралей, частично из автодорог через Республику Беларусь, которая гарантирована как некоторое единое логистическое пространство и которая обеспечивает доставку контейнера на Роттердам с точностью плюс-минус 15 минут. Вот в этой ситуации транзитные платежи и все прочее, что могут эти страны получать, принципиально по-другому будет устроено, чем сейчас.

Если кратко, то идея транзитно-сырьевого моста, который предлагает нам в качестве одного из сценариев выстраивать Евразийская экономическая комиссия, в том числе заключается вот в этом. Это взаимозависимость. Предположим, что какая-то из этих стран ввела санкции. Всё, вся система сломалась.

Аналогичная история с взаимными зависимостями, построенными на использовании национальных валют. Если на данный момент нет доверия к национальным валютам, то идея, что население будет производить расчеты, например, в российских рублях, понятно, неконкурентоспособна по сравнению даже с национальными валютами. Во многом это свидетельство того, как себя ведет валютный курс. Если согласовывать эти курсы, если считать, условно, в российских рублях, то объем торговли между странами ЕАЭС поменялся, наверное, вдвое меньше, чем если считать его в долларах. Вот, пожалуйста, фактор привлекательности и некоторая институциональная привязка.

Есть и другие вещи, к которым можно привязываться. Здесь можно посмотреть на опыт Евросоюза – централизованные инвестиционные программы. То, чего сейчас не делается, потому что у нас есть один ЕАБР, который выдает деньги только на проекты, приносящие прибыль. При этом хочет, конечно, выдавать на подольше и хочет выдавать на что-то, может быть, с более низкими перспективами, но не может.

Вот это что касается взаимозависимости. Нужны альтернативные издержки. На данный момент альтернативные издержки, условно, это краткосрочно что-то получить.

Дальше. Есть известная уже сейчас, наверное, конфигурация, что к западу от Китая у нас ТТР, к западу от Евросоюза у нас ТТИР, которого еще, как совершенно правильно было замечено, не существует. А между ними, стало быть, Экономический пояс Шелкового пути. Это красивая глобальная конфигурация, если не учитывать, что два из трех этих соглашений пока что не подписаны, а одно еще даже не сформировано (я про Шелковый путь говорю).

Поэтому говорить здесь о каких-то конкретных перспективах ТТИР рано. В качестве оценки можно сказать, что между Евросоюзом и Канадой уже два года функционирует соглашение примерно такого же дизайна, как то, которым якобы должен быть ТТИР. Несомненно, это является каким-то из факторов в переговорах. Возможно, поэтому ТТИР будет заключен на более выгодных условиях для Европы, чем изначально предполагалось. Возможно, нет.

Есть официальная бумага Еврокомиссии по оценке последствий ТТИР на основе вычислимой модели общего равновесия, которая дает значительный, но при этом не критический эффект. Полного текста пока что по понятным причинам нет. Рабочие драфты, насколько мне известно, тоже не просачивались, так, чтобы можно было это детально рассмотреть.

Интересный момент заключается в том, что и то, и другое соглашение, по сути, исключают из системы договоров Китай. Вот этот момент, наверное, нельзя игнорировать.

Что касается возможностей заимствования из этих договоров для целей дальнейшей интеграции – договора построены в несколько другой логике. Они, опять же, построены в логике модернизации условий торговли, а не в проектной логике. Потому что, вообще говоря, проблем с реализацией совместных проектов что у Соединенных Штатов со странами Восточной Азии во главе с Японией, что у Соединенных Штатов с

Евросоюзом нет. У них в этом смысле настолько хорошая инфраструктура проектов, что уже вокруг этих проектов давно существуют институты. И не надо ничего создавать, не надо ничего выращивать. Это скорее проблема как раз Китая, Средней Азии и пространства ЕАЭС.

Почему японцы могут планировать на 50 лет вперед, китайцы могут на 30, а мы не можем и на два?

Ответ такой: я думаю, что китайцы 20 лет назад понятия не имели, что будет лет через пять, сейчас у них есть какое-то понятие того, что будет лет через пять, и то не благодаря тому, что произошло, а благодаря тому, что у них экономика начала замедляться. Система планирования у них, конечно, есть, как и всевозможные генпланы. А с управляемостью там очень плохо, в том смысле, что там огромная автономия на местах. Если даже посмотреть на их структуру консолидированного бюджета, там бюджетный федерализм, о котором у нас в розовых снах мечтают сторонники экстремального бюджетного федерализма. На федеральный бюджет типа 15 %, все остальное – это регионы. Сейчас эта ситуация тоже выравнивается, не в последнюю очередь из-за падения доходов регионов. Ну и частично из-за той государственной реформы, которая там проводится.

Я не вижу в данном случае признаков долгосрочного планирования. Есть прогноз на 30 лет Китайской академии наук. Какого-то безумно четкого планирования экономического чуда, которое наблюдалось с 1980 года... Ну, не знаю. Я, честно говоря, не готов согласиться, что это результат хитрого плана.

У Японии ситуация с планированием была существенно лучше, но во многом потому, что первая часть этого планирования делалась под восстановление экономики. И я не думаю, что тогда горизонты превышали 10 лет. Понятно, что стратегические документы могут существовать хоть на столетнюю перспективу, но возможности планирования во многом определяются особенностями системы управления. Даже современные Соединенные Штаты не представляют прогнозов длиной больше чем на 15–20 лет вперед. Это при совершенно другом уровне обработки данных, работы с неопределенностью и т. д.

Что касается возможностей, которые Евразийский экономический союз предоставит в технологическом развитии.

Надо сказать, что здесь нам бы, во-первых, справиться с сокращением технологического отставания, а не с возможностями технологического развития. Во-вторых, схема, которая доминировала в концепции управления какое-то время назад, была очень простой: «Мы берем windfall profits, то есть, условно говоря, доходы от экспорта, вкладываем их в технологии и дальше совершенно прекрасно живем. Условно, посмотрите на какую-нибудь Норвегию или кого-нибудь еще». Эта концепция по понятным причинам не реализовалась, потому что для развития технологий нужно существенно больше, чем просто наличие прибыли.

На данный момент возможность технологического развития, судя по всему, необходимо развивать с какими-то партнерами, у которых рынок гораздо крупнее нашего. Потому что для того чтобы окупались вложения в большие технологии, нужны очень большие рынки. Будет это, условно говоря, Москва от Лиссабона до Владивостока или Экономический пояс Великого Шелкового пути... Простите, Европа. Оговорился.

Ведущий. Всё к этому идет тоже.

Апокин. Непонятно. Я к тому, что без больших рынков не будет больших технологий.

На данный момент мы знаем, какая внешнеполитическая ситуация. И говорить о том, что у нас будет единый рынок с ЕС, наверное, преждевременно. Хотя в долгосрочной перспективе на расширение торгового сотрудничества ориентироваться как минимум разумно. Просто потому что самый большой в мире рынок, наверное, заслуживает

внимания наших компаний, особенно с учетом того, что мы хотим более высокую добавленную стоимость.

Хотя, в принципе, если смотреть на цепочки добавленной стоимости (у нас недавно на семинаре был такой доклад), большая часть российской добавленной стоимости остается в США. Потому что мы поставляем в Европу продукты низкой степени переработки, а произведенные в Западной Европе (в первую очередь в Германии и во Франции) продукты в итоге оказываются в США. Вот, собственно, как с точки зрения цепочек добавленной стоимости выглядит это направление нашей торговли.

Поэтому возможности технологического развития нам необходимы, чтобы ЕАЭС существовал, но сгенерирует ли он их сам... В той форме, в которой сейчас, – конечно, нет. Оттого что у нас полностью конкурентоспособные условия по продаже микрофонов из Киргизии в Беларусь, мы, наверное, не сумеем создать проекты даже по производству этих самых микрофонов.

И последнее. Какие факторы вызвали возможность создания Евразийского экономического союза и почему?

Здесь традиционно отсылаются к речи президента Республики Казахстан Назарбаева 1994 года. Однако если очень кратко, то с точки зрения конкурентных преимуществ Казахстан – самая крупнейшая landlord-экономика мира, не имеющая выхода к морским торговым путям. Естественно, без выхода к морским торговым путям через какого-то партнера у них нет особенных перспектив развития.

Соответственно, во многом поэтому Казахстан всегда был активным сторонником этой теории и активным сторонником интеграции. И перспективно, наверное, был готов идти на частичные уступки больше, чем остальные. Хотя сейчас, понятно, конфигурация выглядит так, что уступки, наверное, с их точки зрения, тоже зашли слишком далеко, если рассматривать опять краткосрочный горизонт.

Я бы отсюда, наверное, рассчитывал эти факторы. И понятно, что самая крупная экономика ЕАЭС занимается его созданием как элементом внешнеполитической стратегии, а не чисто экономическим проектом, что в коммуникациях абсолютно всех

внешних агентов прослеживается. И это, в принципе, Комиссия, наверное, считает своей самой большой проблемой, что внешние наблюдатели слишком сильно ассоциируют Комиссию с Россией, в гораздо большей степени, чем это функционально и структурно гарантировано. Потому что формально в Комиссии одна страна – один голос. И большинство решений действительно принимаются консенсусом по процедурам. Собственно, как и в ЕС.

Ведущий. Спасибо. Теперь кто желает выступить, прошу поднять руки. Вы хотите выступить или вопрос задать?

Немова. Я бы справочку дала маленькую.

Ведущий. Тогда выступление. Сейчас мы распределим. Трое желающих. По три минуты хватит?

Немова. Две.

Ведущий. Хорошо, Вам две.

Немова. Немова Людмила Алексеевна, Институт США и Канады.

Очень конкретная вещь. Нам все время кажется, что где-то существуют объединения, они функционируют, представляя для нас альтернативы, опасности, химеры и еще что-то такое.

Справка насчет Comprehensive Economic, Trade and Investment Agreement. То есть то, о чем Вы говорили, всеобъемлющее торгово-инвестиционное соглашение между Европейским союзом и Канадой, оно не функционирует. Оно было подписано в октябре 2013 года. До сих пор идет согласование технических деталей. До сих пор идет перевод на 14 языков. И впереди еще предстоит процесс ратификации 28 странами ЕС, плюс ЕС наднациональный, плюс Канада. То есть эта бюрократическая история будет продолжаться еще достаточно долго.

Серьезные противоречия, то, где идет согласование технических деталей. Это защита прав интеллектуальной собственности. Там идет самая большая битва. И другая очень большая битва – это government procurement. Это допуск иностранных корпораций на рынок госуслуг, работ и услуг в странах – членах объединения. Потому что по нынешним временам правил ВТО это остается одной из скрытых или открытых мер поддержки, которые может оказывать государство с помощью своего бюджета стране в регионах.

В относительно хорошем положении находится Канада, потому что она самая децентрализованная федерация, и там очень многие эти вопросы допуска или недопуска находятся в руках субъектов федерации, на региональном уровне. Поэтому то, что федеральное правительство подписало, как бы для них может быть не указ.

Для нас это тоже некоторый урок, если мы хотим вывернуться из-под каких-то международных договоров, которые нас очень жестко обязывают: «Вы открываете свой рынок, давайте ваши бюджетные средства, и эти иностранные корпорации будут делать то, другое, третье, четвертое, пятое, десятое, создавая рабочие места больше у себя, чем у вас...». Если делегировать больше прав региональному уровню власти, оно может из-под этого выкрутиться, может сказать: «Мы это не подписывали». Хотя есть еще и следующая стадия – выкручивание рук регионам, субъектам федерации, что будет происходить.

Вот такая история.

Ведущий. Спасибо. Хорошо, что есть эксперты. Сразу пояснят.

Гнидченко. Андрей Гнидченко, ЦМАКП.

Я хотел бы небольшую справку тоже дать. Во-первых, со статистической стороны. Когда мы работали с данными по Евразийской ассоциации, заметили, что очень слабо страны-участницы торгуют между собой. Есть очень сильное притяжение к России, а остальные страны-участницы очень слабо между собой торгуют. То есть Казахстан с Белоруссией, Казахстан с Киргизией и т. д.

Это тоже может быть долгосрочной проблемой, потому что интеграция совсем не похожа на то, что мы видим в случае с Европейским союзом. Здесь мы видим такую «звездочку», где в центре есть Россия, и она притягивает к себе все эти ресурсы.

Во-вторых, если заходить с точки зрения более научно-теоретической, научной литературы, то вообще выгоды от торговли могут возникать либо тогда, когда существует большая разница между странами объединения. Т.е. есть какие-то технологические лидеры и есть страны с большим отставанием, они могут свои какие-то компетенции использовать для получения выгоды. То есть страна с технологическим отставанием, как правило, будет использовать фактор «труд» более интенсивно. А страна, которая более продвинута в технологическом отношении, будет экспортировать капиталоемкие товары.

Так вот, в странах ЕАЭС такой ситуации не наблюдается, то есть все страны достаточно низкого технологического уровня. Есть, конечно, разница между ними, но все-таки эта разница меньше, чем если сравнивать страны ЕАЭС с другими странами мира. То есть с этой точки зрения выгоды торговли с другими странами мира теоретически должны быть выше. Это тоже риск.

И второй механизм, который может быть, с теоретической точки зрения, – это торговля дифференцированными товарами. Имеется в виду, что, допустим, две страны обмениваются однотипными товарами, которые могут требовать достаточно высокого уровня технологического развития, но они имеют какие-то разные потребительские характеристики.

Так вот с этой точки зрения, с точки зрения этого механизма, у ЕАЭС тоже мало перспектив, по крайней мере на настоящий момент, потому что у нас нет двух стран, которые могли бы торговать такими дифференцированными товарами. У нас страны очень разнотипны. Если они однотипны, то они сырьевой направленности. Если они разнотипны, то они торгуют разными товарами и не очень технологически развиты.

Вот такой небольшой комментарий.

Ведущий. Спасибо.

Паппэ. Яков Паппэ, Институт народно-хозяйственного прогнозирования Российской академии наук.

Я экономист, и диспут у нас экономический, но тем не менее, мне кажется, экономистам важно понимать тот неэкономический контекст, в котором живет экономика. Четыре тезиса об этом.

Первое. Три страны из шести, о которых говорят, страны мусульманские. Как минимум две из них суннитские. Какие отношения складываются сейчас между Россией и суннитским миром – все знают. Насколько долго это продлится? Второй тезис. Нынешнее поколение властных элит ЕАЭС – это последнее поколение, которое имеет советский бэкграунд. У следующего поколения этих элит, кто придет к власти, уже не будет ни советского бэкграунда, ни советского образования, ни русского языка.

Третий тезис. Для Казахстана и Киргизии маяк, образец и т. д. отнюдь не Россия. Маяк, образец и в каком-то смысле старший брат для них наш сосед Турция. И в значительно меньшей степени Иран. Россия для них в лучшем случае некий эфемерный, слабый, но защитник от возможной китайской экспансии.

Для Белоруссии всегда будут примером страны Балтии, которые вошли в ЕС. Четвертый и последний тезис. Кто здесь скажет, что я евразэсец или я еазэсник? Объясняю: Европейский союз – это проект европейских элит, то есть людей, которые ощущают себя прежде всего европейцами, а потом уж немцами и французами, католиками и протестантами. Европейская идентичность – это реальность. Есть ли такая евроазиатская идентичность, еазэсная идентичность и евразэсная идентичность? Есть ли в этих странах люди, которые скажут: «Мы прежде всего евразэсники, а потом уже белорусы, русские, киргизы, армяне?» Наверное, нет.

Ведущий. Спасибо. Мы переходим тогда к завершающим выступлениям. Будьте добры, коротко, пару минут.

Данильцев. Я не знаю, чем закончить. Я хотел бы просто поблагодарить и коллег, и всех выступающих. Действительно интересная дискуссия. Кстати, достаточно хорошее последнее было замечание, мне очень понравилось, насчет европейцев и евразэсовцев, как мы их называем. Действительно это может быть вполне существенным моментом.

Ну а так я бы хотел просто поблагодарить за большое удовольствие здесь быть, участвовать, выступить, поделиться своими соображениями и услышать мнения коллег, действительно очень интересные и взвешенные.

Спасибо.

Апокин. Я, наверное, в первую очередь хотел отреагировать на реплику Якова Шаявича. Тем более что, по сути, там было не четыре тезиса, а один, и он был произнесен – на выбор – первым или последним, я не знаю, как так лучше сформулировать. Кем считают себя элиты ЕАЭС перед суннитами, белорусами, я не знаю, кем-то еще...

Ведущий. Христианами...

Апокин. Да, естественно. Или христианами, или...

Ведущий. Советскими людьми.

Апокин. Они считают себя советскими людьми. И отсюда Ваше первое замечание, что это, наверное, последнее поколение с таким четким культурным бэкграундом, недвусмысленным, объединяющим и носящим действительно единую культурную идентичность. Полтора поколения после, наверное, люди уже эту идентичность в значительной степени теряют.

Я как раз в презентации остановился на том, что там должны появляться институты и по концовке культурная идентичность, но это дело действительно далекого будущего. Опять же, если его не запускать, то его не будет. В этом смысле это последний шанс. Надо сказать, что мы, наверное, делаем многое для того, чтобы этот шанс не упустить. Хотя со стороны, наверное, кажется по-другому.

Я тоже хотел бы поблагодарить всех пришедших. Тем более это такая неоднозначная тема. Когда все обсуждают инфляцию, более-менее понятно, о чем будут говорить. А когда обсуждают Евразийский экономический союз, о его существовании еще далеко не все знают, несмотря на то, что там есть департамент, занимающийся пресс-службой и прочими вещами. Поэтому надеюсь, что это было по крайней мере полезно кому-то из пришедших. Я, например, очень многое для себя узнал.

Ведущий. Спасибо участникам сегодняшнего диспута. Я, например, думаю, что незаметность Евразийского союза – это прекрасно. Потому что, когда судья на поле не заметен, это здорово, когда государство человеку не заметно, это прекрасно. И вообще давайте, может быть, будем в этой связи оптимистами.

Спасибо большое. Ждем вас 17 марта. Поделюсь первой наметкой, что мы собираемся обсуждать 17 марта. Есть такая идея – обсудить, за счет чего преодолевать кризис – за счет бизнеса или за счет социалки. Вот такой поставить острый вопрос.

Реплика. За счет оборонки.

Ведущий. Нет, оборонка никуда не денется. Спасибо.